

# Тринадцать загадочных случаев (сборник)

**Автор:**

Агата Кристи

Тринадцать загадочных случаев (сборник)

Агата Кристи

Мисс Марпл #2

Пятеро джентльменов решили организовать клуб «Вторник». Каждый вторник они собираются и рассказывают истории про загадочные преступления, а затем сообща пытаются найти разгадку. Однако, когда в клубе появляется шестой участник – мисс Марпл, – умным и интеллигентным джентльменам приходится с неохотой признать, что милая старушка даст им сто очков вперед! Тринадцать запутанных преступлений раскроет гениальная сыщица, опираясь только на пересказ событий. Может быть, уважаемый читатель попробует посоревноваться со старушкой?

Агата Кристи

Тринадцать загадочных случаев (сборник)

Клуб «Вторник»

– Д-да, загадочные случаи!.. – Реймонд Уэст выпустил изо рта облачко дыма и, любуясь им, медленно с удовольствием повторил: – Загадочные случаи...

С чувством исполненного долга он посмотрел по сторонам. Широкие черные балки, пересекающие потолок комнаты, и добротная старинная мебель

создавали атмосферу старины. Все это импонировало вкусам Реймонда Уэста. Он был писателем. Дом своей тетки Джейн Марпл он всегда считал достойным обрамлением собственной персоны. Он взглянул в сторону камина, возле которого в большом кресле сидела хозяйка дома. На ней было черное муаровое платье со множеством складок по талии. Брабантские кружева каскадом спадали с груди. На руках – черные кружевные митенки. Черная шляпка подчеркивала белоснежность волос. Она вязала что-то белое, мягкое, пушистое. Ее словно выцветшие голубые глаза – кроткие и добрые – изучали племянника и его гостей.

Сначала она взглянула на улыбающегося Реймонда, потом на брюнетку с короткой стрижкой – Джойс Ламприер, художницу с необычными, не то светло-кариими, не то зелеными, глазами. Затем она посмотрела на холеного, умудренного жизненным опытом сэра Генри Клиттеринга. В комнате были еще двое: доктор Пендер, пожилой приходский священник, и мистер Петерик, высохший маленький человек, который никогда не снимал пенсне, однако всегда смотрел поверх стекол. Мисс Марпл еще раз обвела всех взглядом и с милой улыбкой принялась за свое вязанье.

Мистер Петерик слегка откашлялся – обычно этим он предварял все свои высказывания – и обратился к Реймонду:

– Как вы сказали, Реймонд? Загадочные случаи? Какие же случаи вы имеете в виду?

– Да никакие, – вмешалась Джойс Ламприер. – Просто Реймонду нравится звучание этих слов, ему доставляет удовольствие произносить их.

Реймонд с упреком посмотрел на нее. Она откинула назад голову и засмеялась. Мисс Марпл снисходительно улыбнулась.

– Сама наша жизнь – загадочный случай, – глубокомысленно произнес священник.

Реймонд выпрямился.

– Вы меня неправильно поняли, – сказал он. – Я имею в виду вполне определенные случаи, в которых никто не смог разобраться, то есть события

имели место, но объяснить их так и не смогли.

– Знаю, что ты хочешь сказать, дорогой, – заговорила мисс Марпл. – Вот, например, вчера с миссис Каррадерз произошло нечто очень странное. Она купила в лавке Эллиота две банки маринованных креветок, потом зашла еще в два магазина и, придя домой, обнаружила, что креветок в сумке нет. Она вернулась в два последних магазина, но креветки словно сквозь землю провалились.

– Очень подозрительная история, – серьезно заметил сэр Генри.

– Тут могут быть, конечно, различные объяснения, – сказала мисс Марпл, и щеки у нее слегка порозовели. – Например, кто-то их...

– Милая тетя, – прервал ее Реймонд. – Речь не о будничных провинциальных историях. Происходят убийства, пропадают люди, и сэр Генри, если бы пожелал, мог бы рассказать нам немало подобных случаев.

– Я никогда не говорю о работе, – спокойно сказал сэр Генри. – Не в моих правилах говорить о работе.

Сэр Генри до недавнего времени был комиссаром Скотленд-Ярда.

– Я полагаю, многие из них полицией так и не раскрыты, – заметила Джойс Ламприер.

– Ну, мне кажется, это же общеизвестный факт, – сказал мистер Петерик.

– Интересно, – продолжал Реймонд, – кому лучше всего удастся раскрывать преступления? Мне всегда представлялось, что полицейские страдают отсутствием воображения.

– Это точка зрения непрофессионала, – сухо сказал сэр Генри.

– Что касается психологии и воображения, то тут уж дело писателя... – улыбнулась Джойс и с иронией поклонилась Реймонду, но он оставался серьезным.

– Литературный труд дает возможность взглянуть на человека изнутри, – торжественно произнес он, – дает возможность уловить такие мотивы, мимо которых прошел бы обычный человек.

– Знаю, дорогой, что твои книжки очень умны, – сказала мисс Марпл. – Но вообще люди не столь приятны, как ты их себе представляешь.

– Милая тетя, – мягко возразил Реймонд. – У каждого свои взгляды. Боже меня упаси подвергать их сомнениям.

– Я имею в виду, – насупив брови и считая петли, сказала мисс Марпл, – что многие люди кажутся мне ни плохими, ни хорошими, а, знаешь ли, просто глупыми.

Мистер Петерик снова откашлялся.

– По-моему, Реймонд, вы придаете слишком большое значение воображению, – заявил он. – Для нас, юристов, воображение слишком опасно. Оно может чересчур далеко завести. Факты, прежде всего объективные факты, – это единственный способ добиться успеха.

– Ба! – воскликнула Джойс, потрянув головой. – Здесь я с вами не согласна. Я женщина, а у женщин есть интуиция, в которой отказано мужчинам. К тому же я еще и художница и замечая вещи, которых вы не видите. Кроме того, как художник, я отлично разбираюсь в человеческой природе. Я знаю изнанку жизни так, как, возможно, не знает ее даже присутствующая здесь мисс Марпл.

– Я думаю, это не так, милая моя, – сказала мисс Марпл. – В провинции иногда случаются очень огорчительные вещи.

– Сейчас в моде подсмеиваться над священниками, – заметил доктор Пендер. – Но приходится выслушивать от людей разное, и нам известны такие стороны человеческого характера, которые для других – книга за семью печатями.

– Итак, – сказала Джойс, – наше собрание, оказывается, достаточно компетентно. Почему бы нам не основать клуб? Сегодня какой день? Вторник? Давайте же собираться раз в неделю, по вторникам, у мисс Марпл. Вечерний

клуб «Вторник»! И каждый будет предлагать для обсуждения какую-нибудь загадку, загадочную историю, на которую он сам знает ответ. Сколько же нас тут? О, пятеро. Надо бы еще хотя бы одного! [1 - День исторической приверженности англичан к числу «шесть» – полдюжины. До 1971 года существовала даже монета шестипенсовик, звенья бойскаутов состоят из шести человек и т. д., и т. п. Отсюда и шесть – минимальное число членов клуба. (Здесь и далее прим. перев.)]

– Вы забыли обо мне, милая, – широко улыбнулась мисс Марпл.

Джойс немного растерялась, но быстро нашлась:

– Это замечательно, мисс Марпл. Мне как-то в голову не пришло, что это вас может заинтересовать.

– Это же очень увлекательно, – сказала мисс Марпл. – Особенно в компании таких умных джентльменов. Боюсь, что я не обладаю достаточным интеллектом, но все же годы, проведенные в Сент-Мэри-Мид, позволили мне составить некоторое представление о человеческой природе.

– Несомненно, ваше участие будет весьма ценным, – уважительно заметил сэр Генри.

– Кому же начинать? – спросила Джойс.

– По счастью, среди нас столь достойный человек, как сэр Генри, – сказал доктор Пендер. – Какие же могут быть сомнения?.. – Он оставил фразу незаконченной, многозначительно поклонившись бывшему комиссару.

Сэр Генри помолчал, глубоко вздохнул, закинул ногу на ногу и начал:

– Пожалуй, нелегко подобрать случай, который представил бы для вас интерес. Но вот припоминаю один, который, по-моему, подойдет. Может быть, вам попадалось сообщение об этом деле в газетах год назад. О нем писали как о нераскрытом. Но так случилось, что несколько дней назад объяснение попало ко мне в руки. Факты очень просты. Трое сели поужинать. Среди прочего были поданы консервированные омары. Позднее все трое почувствовали себя плохо.

Вызвали врача. Двое поправились, третий умер.

– Ого! – воскликнул Реймонд.

– Как я сказал, факты просты, – продолжал сэр Генри. – Смерть наступила в результате отравления птомаином – так было записано в свидетельстве о смерти, – и тело было предано земле. Но история на этом не кончается.

– Поползли слухи, не так ли? – сказала мисс Марпл. – Обыкновенно всегда так бывает.

– Теперь опишу вам участников этой драмы. Супружеская пара – скажем, мистер и миссис Джоунз. Компаньонка жены, назовем ее мисс Кларк. Мистер Джоунз – коммивояжер фармацевтической фирмы. Интересный мужчина лет пятидесяти. Его жена – ничем не примечательная женщина лет сорока пяти. Ее приятельница мисс Кларк – жизнерадостная женщина под шестьдесят. Ничего особенного в них не было.

Осложнения возникли неожиданным образом.

Накануне злополучного ужина мистеру Джоунзу пришлось ночевать в одной из гостиниц в Бирмингеме. Промокательная бумага на пресс-папье в его номере была совершенно новой, и на следующий день горничная от нечего делать принялась с помощью зеркала читать отпечатавшиеся на ней слова. Несколько дней спустя, когда сообщение о смерти миссис Джоунз появилось в газетах, горничная рассказала своим подругам о том, что ей удалось прочесть: «Полностью зависим от своей жены... когда она умрет, я буду... сотни и тысячи...»

Вы, может быть, помните, что незадолго до того нашумело дело о жене, отравленной мужем. Много ли было нужно, чтобы расшевелить воображение горничных? Мистер Джоунз задумал избавиться от жены и заполучить сотни тысяч фунтов! Оказалось, что у одной из горничных были родственники в городке, где жили Джоунзы. Она написала им о возникших подозрениях. Те сообщили ей, что мистер Джоунз проявлял внимание к дочери местного врача, молодой тридцатитрехлетней женщине. Начал разгораться скандал. Поступила петиция министру внутренних дел. В Скотленд-Ярд посыпались анонимные письма с обвинениями Джоунза в убийстве жены. Мы ни на минуту не

сомневались, что это всего лишь деревенские сплетни, но тем не менее с молчаливого общего согласия провели эксгумацию трупа. Это был один из случаев общего и, пожалуй, ни на чем не основанного предубеждения. Но оно, на удивление, оправдалось. Повторная экспертиза установила, что причиной смерти явилось отравление мышьяком. Скотленд-Ярду пришлось потрудиться, чтобы выяснить, откуда мог взяться этот мышьяк.

– О! – воскликнула Джойс. – Интересно. Это то, что надо.

– Естественно, подозрение падало на супруга. Ему была выгодна смерть жены: он получил хотя и не сотни тысяч, но все же солидную сумму – восемь тысяч фунтов. У него не было своего состояния, но он отличался экстравагантным вкусом и был равнодушен к дамскому обществу. Мы осторожно выяснили, насколько обоснованны слухи о флирте Джоунза с дочерью врача. Оказалось, что их дружба прекратилась месяца за два до смерти миссис Джоунз. Сам врач, человек весьма уважаемый, был смущен результатами повторного вскрытия. Ведь тогда его вызвали около полуночи, и он видел, как страдали все трое. Он понял, что состояние миссис Джоунз критическое, и велел принести из его кабинета опиум для успокоения болей. Однако спасти миссис Джоунз не удалось. Но у врача и мысли не было, что совершено преступление. Он был убежден, что причиной смерти была разновидность ботулизма. На ужин, кроме омаров, подавали салат, бисквитное пирожное с кремом, хлеб и сыр. Правда, к приходу врача от омаров ничего не осталось и консервная банка была выброшена. Он расспрашивал служанку – Глэдис Линч. Та, не переставая, плакала и повторяла, что консервы не казались испорченными.

Таковы факты, которыми мы располагали. Если Джоунз и дал жене яд, то вряд ли сделал это во время ужина, потому что все трое ели одно и то же. И еще одна деталь: он вернулся из Бирмингема перед самым ужином, стол уже был накрыт, и у него не было возможности заранее подложить что-либо в пищу.

– А компаньонка? – спросила Джойс. – Эта жизнерадостная особа?

– Мисс Кларк мы не забыли, – закивал сэр Генри. – Уверяю вас. Но у нее не было мотива для преступления. Миссис Джоунз ей ничего не завещала, поэтому со смертью своей благотельницы ей опять было бы нужно как-то пристраиваться.

– Да, пожалуй, это оставляло мисс Кларк вне подозрений, – задумчиво сказала Джойс.

– Вскоре один из моих помощников докопался до нового факта, – продолжал сэр Генри. – После ужина мистер Джоунз пошел на кухню и велел приготовить рисовый отвар для жены, которая плохо себя почувствовала. Он сам отнес ей этот отвар в спальню. Казалось, это можно было бы считать уликой.

Мистер Петерик одобрительно кивнул.

– Налицо мотив, – загнул он один палец. – Удобный случай, – загнул второй. – Легкий доступ к ядам: служащему фармацевтической фирмы нетрудно добыть яд.

– И человек сомнительной морали, – добавил священник.

Реймонд Уэст взглянул на сэра Генри:

– Почему же вы его сразу не арестовали?

Сэр Генри чуть заметно улыбнулся:

– Тут нас постигла неудача. До сих пор все шло гладко, а тут вдруг неожиданность. Джоунз не был арестован, потому что мисс Кларк показала на допросе, что отвар выпила не миссис Джоунз, а она сама.

Мисс Кларк, как обычно, зашла вечером в спальню миссис Джоунз. Та сидела в кровати, а чашка с отваром стояла около нее. «Я неважно себя чувствую, – сказала она. – Напрасно на ночь ела омаров. Попросила Алберта принести чашку отвара, а вот теперь расхотелось». «А жаль, – ответила мисс Кларк. – Отвар такой хороший, без комков. Глэдис хорошая кухарка, теперь мало кто умеет так готовить отвар. Я и сама не прочь отведать его, мне так хочется есть».

– Я должен пояснить, – сказал сэр Генри, – мисс Кларк очень беспокоила ее полнота, и она сидела, как теперь говорят, на голодной диете. «Ну так и пей его, – сказала ей миссис Джоунз. – Если господь сотворил тебя полной, так и будь такой. Пей – это тебе не повредит». Тут мисс Кларк и приговорила всю

чашку. Это разбивало нашу версию о муже в пух и прах. К тому же Джоунз дал вполне удовлетворительное объяснение фразам на промокательной бумаге. Он сказал, что писал брату в Австралию ответ на его просьбу дать займы денег. В письме он напомнил брату, что полностью зависит от жены и сможет помочь ему только после ее смерти. Он писал, что сотни и тысячи людей находятся в таком же положении.

– Значит, версия полностью отпала? – спросил мистер Пендер.

– Да, версия рухнула, – подтвердил сэр Генри.

Наступило молчание.

– И это все? – наконец спросила Джойс.

– Год назад расследование на этом закончилось. Лишь сейчас Скотленд-Ярд получил разгадку этой истории, и через два-три дня об этом, наверное, можно будет прочитать в газетах.

– Разгадку этой истории... – медленно повторила Джойс. – Давайте минут пять поразмышляем, а потом выскажемся.

Реймонд Уэст кивнул и засек на своих часах время.

Пять минут истекло, он взглянул на доктора Пендера:

– Может быть, вы начнете?

– Должен признаться, затрудняюсь, – ответил Пендер. – Думаю, супруг все же дал жене яд, но вот как он это сделал – ума не приложу.

– А вы, Джойс?

– Компаньонка! – решительно заявила Джойс. – Все это – компаньонка! Откуда нам знать, какие у нее мотивы? Толстая, некрасивая, немолодая – это еще не значит, что она не могла влюбиться в Джоунза. Она, конечно, могла возненавидеть миссис Джоунз и по каким-то другим причинам. Подумайте

только, что значит – быть компаньонкой: все время лебезить, не противоречить, где-то смолчать, сдержать обиду. Однажды она не выдержала и убила его. Она, вероятно, положила мышьяк в чашку с отваром и солгала, что сама выпила его.

– Мистер Петерик?

– Трудно сказать. Располагая такими фактами, не знаю, что и думать. – Адвокат профессиональным жестом соединил кончики пальцев обеих рук.

– Но вам следует высказаться, мистер Петерик, – сказала Джойс. – Вы не должны скрывать своего мнения. Таковы правила игры.

– Мне нечего возразить против фактов, – сказал адвокат. – Но, вспоминая множество аналогичных случаев, я думаю, что это все-таки муж. А мисс Кларк выгородила его по тем или иным причинам. Между ними могла существовать какая-либо договоренность. Возможно, он понимал, что его заподозрят, а она, видя перед собой в будущем одну лишь нищету, согласилась сказать на допросе, что она выпила отвар. Впрочем, за это ей могла быть обещана определенная сумма. Если так, то это чрезвычайно редкий случай. Чрезвычайно редкий.

– Не согласен ни с кем из вас, – сказал Реймонд. – Вы забыли о весьма важном обстоятельстве. А дочь врача? Я хочу дать вам мое решение. Все трое почувствовали себя плохо. Послали за доктором. Он нашел, что миссис Джоунз, которая съела большую порцию, страдает сильнее других. Он посылает, как вы нам сказали, за таблеткой опиума. Врач не сам идет, а посылает. И кто же дает посланному лекарство? Ясно – его дочь. Весьма вероятно, что она сама и готовит его. Она любит Джоунза, и в этот момент в ней пробуждаются все худшие инстинкты. Она понимает, что средство обеспечить ему свободу в ее руках. Таблетки, которые она посылает, – это чистый мышьяк. Вот мое мнение.

– Ну, теперь вы, сэр Генри, – с воодушевлением произнесла Джойс.

– Минутку, – сказал сэр Генри. – Мы еще не выслушали мисс Марпл.

Мисс Марпл печально покачала головой.

– Очень грустная история, – сказала она. – Она заставила меня вспомнить о мистере Харгрейвзе. Его жена ни о чем и не подозревала, пока он не умер. А тогда выяснилось, что он завещал все состояние женщине, с которой жил долгие годы и от которой имел пятерых детей. В свое время она служила у них горничной. После того как ее рассчитали, мистер Харгрейвз снял ей дом... Разумеется, это не помешало ему остаться церковным настоятелем и одним из уважаемых людей в городке...

– Милая тетушка, я не вижу никакой связи с покойным мистером Харгрейвзом, – прервал ее Реймонд.

– Факты удивительно схожи, – спокойно продолжала мисс Марпл. – Предполагаю, что бедная девушка во всем созналась...

– Какая девушка? – не понял Реймонд.

– Бедная Глэдис Линч, разумеется. Надеюсь, что Джоунза повесят за то, что он сделал из бедняжки убийцу, но, к сожалению, ее тоже повесят. – Мисс Марпл повернулась к сэру Генри: – Я ведь права, не так ли? Все совершенно ясно. Нельзя не обратить внимание на слова «сотни и тысячи» в письме[2 - «Сотни и тысячи» – так называется в Англии разноцветный сахарный горошек для украшения тортов и пирожных.].

– Что же тут может быть общего?! – воскликнул Реймонд.

– Обычно кухарки посыпают этим цветным горошком пирожные с кремом. Услышав о пирожных, я связала это со словами «сотни и тысячи» в письме Джоунза. Мышьяк был именно в них. Джоунз оставил его девушке и заставил посыпать пирожные.

– Этого не может быть! – воскликнула Джойс. – Ведь все ели пирожные.

– О, вы не совсем правы, – возразила мисс Марпл. – Компаньонка на диете. Человек, который хочет похудеть, никогда не ест сладкого. А Джоунз, он просто стряхнул горошек и ел пирожное. Все было задумано и исполнено очень умно; но крайне жестоко.

Все с нетерпением посмотрели на сэра Генри.

– Мисс Марпл попала в самую точку, – медленно начал он. – Глэдис забеременела от Джоунза, и он решил устранить жену, чтобы беспрепятственно жениться на девушке. Он подделал «сотни и тысячи» и дал Глэдис, чтобы она украсила пирожные. Глэдис Линч скончалась неделю назад. Умирая, она во всем призналась.

– Великолепно, тетушка! – воскликнул Реймонд и поднялся с места. – Один – ноль в вашу пользу. Просто вообразить себе не могу, как это вы во всем разобрались.

– О, милый, вы даже не представляете себе, сколько я повидала в жизни, – сказала мисс Марпл. – Такие люди, как Джоунз, жестоки и беспощадны. Как только я услышала, что в доме была хорошенькая девушка, то сразу поняла, что Джоунз ее в покое не оставит. Все это так удручает, что и говорить об этом больше не хочется. Не могу вам передать, каким это было в свое время ударом для миссис Харгрейвз. И все девять дней в городке не смолкали пересуды.

Святилище Астарты

– А теперь, доктор Пендер, что вы расскажете нам?

Старый священник смущенно улыбнулся.

– У меня жизнь прошла тихо, – сказал он. – В ней не было ничего особенного. Пожалуй, только однажды в молодости я был свидетелем трагического случая.

– О! – подзадорила его Джойс Ламприер.

– Он запомнился мне на всю жизнь, – продолжил священник. – Врезался в память, и мне не надо особенно напрягаться, чтобы вновь почувствовать охватившие меня трепет и ужас при виде человека, смертельно раненного непонятным оружием.

– Вы заставляете меня содрогнуться! – воскликнул сэр Генри.

– Я сам, как вы выразились, содрогнулся от этого. С тех пор я никогда не смеялся над теми, кто серьезно относится к разного рода суевериям. Существуют места, пользующиеся дурной или доброй славой, и иногда они дают о себе знать.

– Вот «Лиственницы», например, очень несчастливый дом, – заметила мисс Марпл. – Старый мистер Сидерс потерял все свое состояние и был вынужден покинуть его. Потом дом купили Карслейки – через некоторое время Джонни Карслейк упал с лестницы и сломал себе ногу, а миссис Карслейк захворала, и ей пришлось поехать на юг Франции поправлять здоровье. А сейчас его купил Берденс, и я слыхала, что бедному мистеру Берденсу нужно срочно оперироваться.

– Я думаю, тут и слухи играют немалую роль, – заговорил Петерик.

– Мне известны два «призрака», которые представлены вполне конкретными людьми, – заметил усмехнувшись сэр Генри.

– Я думаю, – сказал Реймонд, – нам надо дать возможность доктору Пендеру продолжить рассказ.

Джойс поднялась и выключила обе лампы, комната теперь освещалась только мерцающим светом камина.

– Атмосфера создана, – сказала она, – можно продолжать.

Доктор Пендер улыбнулся ей и, устроившись на стуле поудобнее, приступил к своему рассказу:

– Не знаю, известно ли кому-нибудь хоть что-то о Дартмуре[3 - Дартмур – холмисто-болотистая местность на юго-западе Англии, в графстве Девоншир.]. Место, о котором идет речь, находится на подступах к Дартмуру. Там продавалось имение. Несмотря на то что поместье было превосходное и окрестные пейзажи удивительно живописны, покупатель не находился несколько лет. В конце концов его купил человек по фамилии Хейдон, сэр Ричард Хейдон. Я знал его по колледжу, и, хотя на несколько лет потерял из

виду, старые приятельские отношения сохранились, и я с удовольствием принял приглашение приехать к нему в «Тихую рощу» – так называлось его приобретение.

Собралось не очень много народу. Сам Ричард Хейдон, его двоюродный брат Эллиот Хейдон, леди Маннеринг с бледной, довольно невзрачной дочкой по имени Виолетта, капитан Роджерс с женой – заядлые лошадики с загорелыми лицами, для них лошади и охота были единственным смыслом жизни. Кроме того, был молодой доктор Саймондз и была мисс Диана Ашли. Я знал немного о последней. Ее фотографии часто встречались в светской хронике. Внешность ее, без сомнения, производила впечатление. Она была темноволосая, высокая, кожа у нее была матовая, слегка смуглая, а узковатые темные раскосые глаза придавали ее облику особую, восточную изысканность. Голос у нее был необыкновенно глубокий, грудной и звучал словно колокол.

Я сразу понял, что мой приятель, Ричард Хейдон, сильно ею увлечен, и догадался, что все затеяно исключительно ради нее. В отношении ее чувств у меня не сложилось четкого представления. Мисс Ашли не была постоянна в своих симпатиях. Один день она разговаривала только с Ричардом, а всех остальных не замечала, на другой день проявляла расположение к его двоюродному брату Эллиоту и, казалось, едва ли замечала, что существует еще такой человек, как Ричард, а затем начинала одаривать самыми многообещающими улыбками скромного и незаметного доктора Саймондза.

На следующее утро после моего приезда хозяин показал нам все поместье. Само здание было ничем не примечательно: добротный, прочный дом из девонширского гранита. Построен на века, любая непогода для него нипочем. Самый обычный, но удобный. Из его окон открывался вид на Мур[4 - Мур – река, впадает в залив Лайм.], на далеко простирающиеся возвышенности, заканчивающиеся разрушенными непогодой скалистыми вершинами.

На ближайшем склоне виднелись следы минувшего каменного века – круги от фундамента жилищ. На соседней возвышенности находился курган, где недавно велись раскопки и была обнаружена кое-какая бронзовая утварь. Хейдон проявлял некоторый интерес к археологическим находкам и очень увлеченно, с пафосом рассказывал нам об этом. Здесь были найдены останки пещерных людей эпохи неолита, памятники друидов[5 - Друиды – жрецы у древних кельтов в Британии.], следы пребывания римлян и даже древних финикийцев.

«Но вот это место, пожалуй, самое интересное, – сказал Хейдон. – Вы знаете, что оно называется «Тихая роща». И довольно нетрудно догадаться о происхождении этого названия. Вот эта, – он показал рукой, – часть местности была довольно голой: скалы, вереск да папоротник, но примерно в ста ярдах от дома была посажена густая роща. Она дошла до нас из глубины веков. Деревья погибали и вновь высаживались, и поэтому она сохранилась такой, как была раньше, может быть, даже во времена финикийских поселенцев. Пойдемте взглянем на нее».

Все последовали за ним. Когда мы вошли в рощу, я ощутил какую-то необычную подавленность. Я думаю, что так подействовала тишина. Казалось, и птиц на деревьях нет. Невольно мне стало страшно. Я увидел, что Хейдон улыбается и смотрит на меня с любопытством.

«Вызывает это место какое-то ощущение, Пендер? – спросил он. – Чего-то враждебного? Или какой-то тревоги?»

«Мне здесь не нравится», – спокойно заявил я.

«И неудивительно. Это место было оплотом одного из древних врагов вашей веры. Это роща Астарты[6 - Астарта – греческое наименование главной финикийской богини Ашторет (Ашерат). Почиталась как богиня плодородия, материнства и любви, а также как богиня прибывающей луны. Изображалась в виде обнаженной женщины с коровьими рогами на голове, с руками, прижатыми к груди или к бедрам, а иногда в одеянии, с короной на голове и с тамбурином.]]».

«Астарты?»

«Астарты, или Ашерат, – это уж как вам больше нравится ее называть. Финикийскому имени я предпочитаю Астарту. Мне кажется, у нас в стране известна одна роща Астарты – на севере, на Уолле. У меня нет доказательств, но мне бы очень хотелось считать, что здесь у нас настоящая, подлинная роща Астарты. Что здесь, среди деревьев, совершались священные обряды».

«Священные обряды... – негромко повторила Диана Ашли с мечтательным и отсутствующим видом. – Интересно, как это было?»

«Наверняка что-нибудь неприличное, – сказал капитан Роджерс, не к месту рассмеявшись. – Сплошной разврат, представляю себе».

Хейдон не обратил на него никакого внимания.

«В центре рощи, должно быть, стоял храм, – сказал он. – До храмов я еще не дошел, но позволил себе маленькую безделицу».

В этот момент мы вышли на небольшую поляну. На ней было установлено нечто отдаленно напоминающее беседку из камня. Диана Ашли вопросительно посмотрела на Хейдона.

«У меня это называется святилище, – сказал он. – Это святилище Астарты».

И мы направились туда. Внутри на грубом черном столбе была установлена необычная маленькая скульптура, изображающая женщину с рогатым полумесяцем на голове, сидящую на льве.

«Астарта финикийская, – пояснил Хейдон. – Богиня луны».

«Богиня луны! – воскликнула Диана. – А давайте устроим сегодня вечером дикий загул. Маскарад! Выйдем сюда при лунном свете и совершим обряд Астарты».

Меня неожиданно передернуло, и Эллиот, двоюродный брат Ричарда, тут же обернулся.

«Вам это все не нравится, да, святой отец?» – спросил он.

«Да, – ответил я с достоинством, – не нравится».

Он посмотрел на меня с любопытством: «Но это же только дурачество. Дик[7 - Дик – уменьшительное от Ричарда.] не может знать, священная эта роща на самом деле или нет. Это просто выдумки, ему нравится так думать. И даже если бы...»

«Если бы?»

«Ну, – он принужденно засмеялся, – вы же не верите во всякое такое, правда? Вы ведь священник».

«Почему это если я священник, то не должен верить в это?»

«Но к таким вещам никто всерьез не относится».

«Не уверен. Я знаю одно: по натуре я человек не очень впечатлительный, но стоило мне зайти в рощу, как у меня возникло необычное ощущение, ощущение опасности, предчувствие несчастья».

Эллиот неловко оглянулся.

«Да, – сказал он. – Действительно, что-то не то. Я знаю, понимаю, что вы имеете в виду, но мне кажется, что это лишь игра нашего воображения. А что вы скажете, Саймондз?»

Доктор помолчал с минуту. Затем невозмутимо ответил:

«Мне здесь не нравится. Объяснить почему – не могу. Но все равно мне здесь не нравится».

В этот момент ко мне подошла Виолетта Маннеринг.

«Мне здесь неприятно! – закричала она. – Неприятно! Прошу вас, уйдемте отсюда».

Мы пошли обратно. Только Диана Ашли замешкалась. Я оглянулся: она стояла перед святилищем и внимательно разглядывала скульптуру внутри его.

День был прекрасный, необычно жаркий, и предложение Дианы Ашли было единодушно принято. И тут началась подготовка: как всегда, перешептывание и смех, как всегда, костюмы изготавливались втайне, и вот, когда все заявили на обед, началось настоящее веселье. Роджерс с женой были пещерными людьми эпохи неолита (это объяснило исчезновение ковриков от камина). Ричард Хейдон назвался финикийским моряком, а его двоюродный брат был главарем бандитов, доктор Саймондз – шеф-поваром, леди Маннеринг – сестрой

милосердия, а ее дочка – пленницей-черкешенкой. Я сам нарядился чересчур тепло – монахом. Диана Ашли вышла последней и несколько разочаровала нас всех. Она просто завернулась в черное бесформенное домино.

«Незнакомка, – кокетливо провозгласила Диана, – вот кто я. А теперь, ради бога, давайте обедать».

После обеда мы вышли на улицу. Стоял прекрасный вечер, теплый, спокойный, тихий. Выходила луна.

Мы прогуливались и болтали, время шло быстро. Наверное, только через час мы обнаружили, что с нами нет Дианы.

«Разумеется, она не пошла спать», – сказал Ричард Хейдон.

«Я видела, как она около четверти часа назад пошла в том направлении», – Виолетта Маннеринг показала в сторону рощи, которая при лунном свете выглядела черной и мрачной.

«Интересно, что она задумала? – сказал Ричард Хейдон. – Какие-нибудь проделки, клянусь. Пойдемте посмотрим».

Заинтригованные тем, что задумала мисс Ашли, мы поспешили за ним. Однако мне очень не хотелось заходить в эту темную, не предвещающую ничего хорошего рощу. Казалось, нечто сильнее меня удерживает, заставляет не идти туда. У меня возникло совершенно определенное убеждение, что это место особенно опасное. Я думаю, что не я один почувствовал то же самое, но как-то неудобно было в этом признаваться. Деревья стояли настолько плотно, что лунный свет почти не проникал сквозь них. Вокруг слышались тихие звуки, шепот, вздохи. Было крайне жутко, и, не сговариваясь, мы держались все вместе.

Мы вышли на открытую поляну посреди рощи и остановились как вкопанные в изумлении: на пороге святилища стояла чья-то фигура, полностью укутанная в прозрачный газ, рогатый полумесяц поблескивал в темной массе ее волос.

«Бог мой!» – сказал Ричард Хейдон, и пот заблестел у него на лбу.

Но Виолетта Маннеринг оказалась наблюдательнее.

«Так это же Диана, – воскликнула она. – Что это с ней случилось? Ой, она на себя не похожа!»

Фигура в дверном проеме подняла руки, ступила вперед и заговорила монотонным голосом: «Я жрица Астарты. Осторожно, ко мне не приближаться – в моих руках смерть».

«Не надо, дорогая, – стала умолять ее леди Маннеринг. – Нам страшно, на самом деле страшно».

Ричард кинулся к ней.

«Бог мой, Диана! – закричал он. – Ты великолепна!»

Действительно, как сказала Виолетта, Диана была совсем другой. В ее глазах появился какой-то жестокий блеск, на губах – незнакомая улыбка, я такой у нее не видел.

«Осторожно! – крикнула она. – Не приближайтесь к богине. Если прикоснетесь ко мне – смерть!»

«Ты великолепна, Диана! – закричал Хейдон. – Но, пожалуйста, прекрати. Мне что-то это совсем не нравится».

Он пошел к ней, и она вскинула руку в его направлении.

«Стой! – крикнула она. – Еще шаг – и я убью тебя магией Астарты».

Ричард Хейдон посмеялся и пошел еще быстрее, как вдруг случилась странная вещь. Он замер на мгновение, затем как будто оступился и упал. Он лежал ничком и не собирался подниматься.

Тут раздался истерический хохот Дианы. Его жуткое звучание нарушило безмолвие поляны.

С проклятиями Эллиот кинулся вперед.

«Это невыносимо, – кричал он, – поднимайся, Дик, поднимайся, дружище!»

Но Ричард Хейдон продолжал лежать. Эллиот Хейдон подбежал к нему, опустился перед ним на колени и осторожно перевернул его. Он склонился над Ричардом и всмотрелся ему в лицо. Потом резко поднялся на ноги и встал, слегка покачиваясь.

«Доктор, – позвал он. – Доктор, ради бога, сюда. Я... я думаю, он мертв».

Саймондз бросился вперед, а Эллиот размеренными шагами вернулся к нам. Он стал как-то странно рассматривать свои руки.

В этот момент раздался дикий вопль Дианы.

«Это я его убила! – закричала она. – Боже мой! Я не хотела, но я убила его!»

И, потеряв сознание, она упала в траву.

«Давайте же скорее выбираться из этого страшного места! – закричала миссис Роджерс. – С нами тут бог знает что может произойти! Какой ужас!»

Эллиот крепко сжал мне плечо.

«Это невозможно, – отчетливо прошептал он. – Я вам говорю, этого не может быть. Человека нельзя так убить. Это... это противоестественно».

Я попытался его успокоить.

«Это можно как-то объяснить, – сказал я. – Вероятно, у вашего брата было слабое сердце, а об этом не знали. Испуг, потрясение».

«Вы меня не понимаете, – перебил он меня, протянул свои руки, и я увидел на них красные пятна. – Дик умер не от потрясения, его закололи в сердце, а оружия нет».

Я с сомнением пристально посмотрел на него. В этот момент Саймондз, осмотрев тело, поднялся и подошел к нам. Он был бледен и весь дрожал.

«Мы что, с ума все сошли? – произнес он. – Что это за место? Почему тут происходят такие вещи?»

«Значит, это правда?» – спросил я.

Он кивнул:

«Рана такая, как будто ее нанесли длинным тонким кинжалом, но кинжала там нет».

Мы посмотрели друг на друга.

«Этого не может быть, – горячился Эллиот Хейдон. – Он, наверное, упал. Должно быть, валяется где-то на земле. Давайте посмотрим».

Мы безрезультатно обыскали все вокруг. Виолетта Маннеринг вдруг заявила:

«Диана что-то держала в руках. Что-то вроде кинжала. Я видела. Видела, как он сверкнул, когда она им грозила».

«Ричард не приблизился к ней и на три ярда», – возразил Эллиот Хейдон, покачивая головой.

Леди Маннеринг склонилась над распростертой на земле девушкой.

«У нее в руках сейчас ничего нет, – заявила она. – И на земле ничего не видно. Ты не ошибаешься, что видела его, Виолетта? Я не видела».

Доктор Саймондз подошел к мисс Ашли. Доктор Пендер, извинившись, прервал рассказ и огляделся.

– Теперь благодаря огромному количеству детективов, – сказал он, – мы все хорошо знаем, что тело надо оставлять там, где его обнаружили. Каждый

уличный мальчишка теперь это знает.

Но мы в то время таких вещей не знали и отнесли тело Ричарда Хейдона в его гранитный дом и положили на кровать. Дворецкого отправили на велосипеде за двенадцать миль вызвать полицию.

Затем Эллиот отвел меня в сторону.

«Послушайте, – сказал он. – Я вернусь в рощу. Необходимо отыскать оружие».

«Если оно вообще было», – засомневался я.

Он крепко схватил мою руку и сильно встряхнул.

«Вбили себе всякие предрассудки в голову. Вы что, думаете, он умер от сверхъестественной силы? Так я пойду и разберусь во всем».

Я был решительно против этого и пытался разубедить его, но безрезультатно. Одна мысль о густой роще наводила на меня ужас. У меня возникло предчувствие, что надвигается еще одно несчастье. Но Эллиот упрямо стоял. Он, я думаю, сам боялся, но не хотел признаваться в этом. Он ушел как следует вооруженный и настроенный добраться до сути загадки.

Ночь была отвратительная, никто и не пытался заснуть. Приехала полиция. Они отнесли ко всему с откровенным недоверием и проявили сильное желание устроить допрос мисс Ашли. Но тут им пришлось иметь дело с доктором Саймондзом, который был категорически против. Мисс Ашли вышла из состояния обморока, или транса, и он дал ей сильное снотворное. До наступления дня ее ни в коем случае нельзя было тревожить.

Только к семи часам утра все хватились Эллиота Хейдона, и тут вдруг Саймондз спросил меня, где он. Я объяснил, что сделал Эллиот, и это еще больше расстроило Саймондза.

«К чему он туда пошел? Это... это напрасный риск».

«Вы же не хотите сказать, что и с ним что-то случилось?»

«Надеюсь, нет. Я думаю, святой отец, нам лучше пойти посмотреть».

Мне понадобилось собрать все свое мужество, чтобы отважиться на это. Мы отправились вдвоем и еще раз зашли в эту проклятую рощу. Мы кричали, но никто не отзывался. Через некоторое время мы вышли на поляну. В раннем утреннем свете она была тусклая, призрачная. Саймондз сжал мою руку, и у меня вырвался сдавленный крик. Минувшей ночью при лунном свете мы видели здесь тело человека, лежащего ничком. Сейчас на том же самом месте лежал Эллиот Хейдон.

«Боже мой! – вырвалось у Саймондза. – И его тоже!»

Эллиот Хейдон был без сознания, но слабо дышал. На этот раз причина трагедии была ясна. Длинное тонкое оружие осталось в ране.

«В плечо попало, не в сердце. Повезло, – прокомментировал доктор. – Бог знает, что и думать. Во всяком случае, он жив и сможет нам рассказать, что произошло».

Но этого-то как раз Эллиот Хейдон и не смог сделать. Его рассказ был крайне туманным. Он безуспешно пытался разыскать кинжал и наконец, прекратив поиски, остановился у святилища. К этому моменту он все больше и больше убеждался в том, что кто-то следит за ним из-за деревьев. Он противился этому ощущению, но не мог от него избавиться. Он говорил, что подул холодный странный ветер, который, казалось, шел не из-за деревьев, а изнутри святилища. Эллиот заглянул вовнутрь. Увидел маленькую фигуру богини и почувствовал, что происходит нечто странное, возможно, это был оптический обман. Фигура как будто стала расти. Потом его что-то ткнуло – он воспринял это как удар в лоб – и сбило с ног. При падении он почувствовал острую, жгучую боль в левом плече.

Кинжал на этот раз был идентифицирован. Он был найден при раскопках кургана, и купил его Ричард Хейдон. Где он хранился, в доме или в святилище, никто не знал.

Полиция считала – и разубедить ее не удалось, – что мисс Ашли умышленно заколола Ричарда. Но, учитывая единодушные свидетельства, что она не

приближалась к нему ближе чем на три ярда, у полиции не было никаких оснований надеяться на поддержку обвинения против нее. Таким образом, дело как было, так и осталось загадкой.

Воцарилось молчание.

– Возразить вроде нечего, – нарушила молчание Джойс Ламприер. – Все это настолько жутко, уму непостижимо. У вас-то самого есть объяснение, доктор Пендер?

– Есть, – кивнул старик. – Есть объяснение, то есть не совсем объяснение. Все же кое-что остается непонятным.

– Я бывала на спиритических сеансах, – сказала Джойс. – Так что вы можете говорить что угодно, но там происходят очень странные вещи. Я полагаю, что все объясняется особым гипнозом. Девушка, возможно, и на самом деле превратилась в жрицу Астарты и так или иначе заколола его. Может быть, она метнула кинжал.

– Или это был дротик, – предположил Реймонд Уэст. – В конце концов, лунный свет обманчив. У нее могло быть в руках копье, которым она заколола его на расстоянии, и, кроме того, не исключен массовый гипноз. Я имею в виду, что вы были готовы к мысли о присутствии сверхъестественной силы и поэтому ничего другого не увидели.

– В мюзик-холле я видел немало удивительных трюков с оружием и с ножами, – заговорил сэр Генри. – Я считаю, что человек прятался в чаще и оттуда мог довольно метко бросить нож или кинжал, при условии, конечно, что он профессионал. Признаю, это кажется довольно надуманным, но представляется единственной реальной версией. Вы помните, у второго было вполне отчетливое впечатление, что в роще кто-то следил за ним? В том, что мисс Маннеринг утверждает, будто мисс Ашли держала в руках кинжал, а другие не подтверждают этого, нет ничего удивительного. Будь у вас такой же опыт, как у меня, вы бы знали, что показания пятерых человек об одном и том же могут невероятно отличаться друг от друга.

Мистер Петерик кашлянул:

– Но во всех этих версиях мы упускаем из виду один существенный факт, – заметил он. – Куда же девалось оружие? Мисс Ашли вряд ли могла незаметно убрать вонзившийся дротик или копье, ведь она стояла посреди открытого пространства. Если кинжал метнул скрывшийся убийца, то он бы остался в ране. Я думаю, надо отбросить надуманные версии и строго придерживаться фактов.

– И о чем же говорят факты?

– Ну... одно представляется совершенно ясным. Рядом с человеком, когда ему был нанесен удар, никого не было. Таким образом, единственный, кто мог заколоть его, – это был он сам. Налицо самоубийство.

– Но с какой же стати ему было совершать самоубийство? – скептически спросил Реймонд Уэст.

Адвокат откашлялся.

– Ах, об этом опять-таки можно только догадываться, – сказал он. – Догадки в настоящий момент меня не интересуют. Мне кажется, если исключить сверхъестественную силу – во что я ни на миг не поверю, – это единственно возможное объяснение случившемуся. Он сам себя заколол и, когда падал, взмахом руки выдернул кинжал из раны и отбросил его в деревья. Я думаю, это хотя и маловероятно, но возможно.

– Я предпочитаю не говорить, что нет сомнений, – вступила в беседу мисс Марпл. – Все это приводит меня в сильное замешательство. Но невероятные вещи все-таки случаются. В прошлом году на приеме у леди Шарпли, в саду, мужчина, игравший в часовой гольф[8 - Часовой гольф – малый гольф на площадке с разметкой, напоминающей часовой циферблат с двенадцатью цифрами; игроки переходят с цифры на цифру и поочередно загоняют мяч в лунку в центре площадки.], споткнулся, зацепившись за цифру, потерял сознание и не приходил в себя в течение пяти минут.

– Но, дорогая тетя, – мягко заметил Реймонд, – его ведь не закололи, верно?

– Конечно нет, дорогой, – ответила мисс Марпл. – К этому я и веду. Нет сомнений, сэра Ричарда могли заколоть одним-единственным способом, но мне бы хотелось узнать, обо что он споткнулся. Возможно, о корни дерева. Он засмотрелся на

девушку, а при лунном свете немудрено споткнуться обо что угодно.

– Вы говорите, что существует только один способ, которым могли убить сэра Ричарда, мисс Марпл? – сказал священник, с любопытством поглядывая на нее.

– Печальная история, я предпочитаю не думать об этом. Он был правша, или я ошибаюсь? Я имею в виду, что, для того чтобы нанести себе удар в левое плечо, он должен был быть правой. Я всегда так жалела беднягу Джека Бейнза во время войны! Он прострелил себе ногу после ожесточенного сражения у Арраса. Он мне рассказывал об этом, когда я приходила навещать его в госпиталь. Как он потом стыдился! Не думаю, что этот несчастный Эллиот Хейдон много выиграл от своего злодеяния.

– Эллиот Хейдон? – поразился Реймонд. – Вы думаете, это он?

– Не понимаю, а кто же еще это мог сделать? – слегка приподнимая брови, удивилась мисс Марпл. – Разумеется, в том случае, если, как мудро выразился мистер Петерик, смотреть на факты и не принимать всерьез всяких там языческих богинь, в которых нет ничего хорошего. Эллиот подошел к нему и перевернул. Для того чтобы совершить преступление, ему надо было повернуться к вам спиной, чтобы достать кинжал из-за пояса. Помнится, в молодости я танцевала с мужчиной, одетым главарем бандитов. У него было пять видов ножей и кинжалов, не передать, до чего неудобно было с ним танцевать.

Все взгляды устремились на доктора Пендера.

– Я узнал правду, – сказал он, – пять лет спустя после трагедии. Мне пришло письмо от Эллиота Хейдона. Оказывается, он догадывался, что я его подозревал. Он написал, что это было внезапным искушением. Он тоже любил Диану Ашли, но был всего лишь обыкновенным адвокатом. Устраняя Ричарда со своего пути, наследуя его титул и недвижимость, он надеялся на блестящую перспективу. Кинжал он вынул из-за пояса, когда склонился над братом. Он и задуматься не успел. Просто вонзил его и вложил в ножны. Себе он нанес рану позднее, чтобы отвести подозрения. Он писал мне накануне отъезда в экспедицию на Северный полюс на случай, как он выразился, если не вернется. Не думаю, чтобы он собирался возвращаться, и знаю, что, как заметила мисс Марпл, его преступление ничего ему не дало. «Пять лет, – писал он, – я живу в аду. Я

надеюсь, что смогу искупить свою вину хотя бы достойной смертью». Наступила тишина.

– И он погиб достойно, – сказал сэр Генри. – Вы изменили имена в своем рассказе, доктор Пендер, но я, кажется, догадался, кого вы имели в виду.

– Как я и говорил, – продолжил священник, – не думаю, что это исчерпывающее объяснение. Я по-прежнему считаю, что роща оказывала зловещее воздействие, которое руководило поведением Эллиота Хейдона. До сих пор не могу вспоминать о святилище Астарты без содрогания.

### Золотые слитки

– Не знаю, подойдет ли история, которую я хочу рассказать, – начал Реймонд Уэст. – У меня нет для нее объяснения, однако обстоятельства дела настолько интересны, что мне хочется изложить ее в порядке постановки проблемы. Возможно, рассуждая логически, мы вместе в ней как-то разберемся.

Эти события происходили два года назад, когда я поехал на Троицу[9 - Имеется в виду неделя между Духовым днем, который Англиканская церковь отмечает в седьмое воскресенье после Пасхи, и Троицей, которая соответственно отмечается в восьмое воскресенье после Пасхи.] в Корнуолл с человеком по имени Джон Ньюмэн.

– В Корнуолл? – резко переспросила Джойс Ламприер.

– Да. А что?

– Нет, ничего. У меня история тоже про Корнуолл, о рыбацкой деревушке под названием Рэтхоул. Неужели и вы о том же самом?

– Нет. У меня деревня называется Полперран. Она на западном побережье Корнуолла, там очень дикая скалистая местность. Мы с Джоном были представлены друг другу за несколько недель до поездки, и я нашел его чрезвычайно интересным человеком. Умный, независимый, с воображением.

Благодаря своему последнему увлечению он арендовал Пол-Хаус. Прекрасно разбирался во времени Елизаветы, ярко и наглядно описывал мне передвижение испанской Армады[10 - Непобедимая армада – военный флот, направленный в 1588 году испанским королем Филиппом II против Англии и потерпевший поражение.]. И с таким энтузиазмом, будто бы он сам был тому свидетелем. Что это, перевоплощение? Непонятно. Совершенно непонятно.

– Не преувеличивай, дорогой Реймонд, – ласково пожурела его мисс Марпл.

– Какие преувеличения? – слегка раздраженно отозвался Реймонд Уэст. – Этот Ньюмэн в самом деле был одержимым, поэтому он и оказался мне интересен. Ну как полезное ископаемое, что ли. Оказывается, некое судно, принадлежащее Армаде, у которого на борту находились несметные богатства – золото из испанских владений, – потерпело крушение неподалеку от побережья Корнуолла, на известных своей коварностью Змеиных скалах. На протяжении ряда лет, говорил мне Ньюмэн, предпринимались попытки поднять корабль и достать ценности. Полагаю, подобные истории не новость, хотя количество мифических кораблей с сокровищами значительно превышает их действительное число. Образовалась одна компания, но обанкротилась, и Ньюмэну удалось купить права на все эти дела – или как это там называется? – за бесценок. Он всем этим очень проникся. По его словам, дело было только за новейшей научной аппаратурой. Золото там, и у него не было ни тени сомнений в том, что его можно достать.

Когда я слушал его, мне подумалось, насколько же часто вот так получается. Богатый человек, такой, как Ньюмэн, преуспевает без каких-либо особых усилий, и, по всей вероятности, денежное выражение его будущей находки почти не имеет для него значения. Должен сказать, что его азарт заразил меня. Я видел, как гонимый штормом галеон[11 - Галеон – большой старинный, богато украшенный резными фигурами парусник.] прибывает к берегу, треплет, разбивает о чернеющие скалы. «Галеон» – это звучит романтично. А слова «испанское золото» завораживают и школьника, и взрослого. К тому же в то время я работал над романом, некоторые эпизоды которого относились к XVI веку, и меня радовала перспектива заполучить драгоценный местный колорит от хозяина Пол-Хауса.

Я отправился в пятницу утром с Паддингтонского вокзала в приподнятом настроении от предвкушения предстоящих радостей. Вагон был пуст, лишь один человек в противоположном конце сидел ко мне лицом. Высокий, с солдатской

выправкой. Я не мог избавиться от впечатления, что где-то раньше видел его. В конце концов я вспомнил. Моим попутчиком был инспектор Бадгворт. Я сталкивался с ним, когда делал серию статей об исчезновении Эверсона.

Я напомнил ему о себе, и вскоре мы уже мило беседовали. Когда я сообщил ему, что еду в Полперран, выяснилось удивительное совпадение: он тоже направлялся туда. Я не хотел показаться назойливым и не стал расспрашивать о целях его вояжа, а заговорил о собственной поездке, упомянув об испанском галеоне, потерпевшем крушение. К моему удивлению, инспектору было о нем все известно.

«Это «Хуан Фернандес», – сказал он. – Ваш знакомый не первый гробит деньги на то, чтобы достать оттуда золото. Романтические выдумки».

«А может быть, вообще вся история выдумка? – спросил я. – И никакого корабля здесь нет?»

«О, сомнений нет, корабль затонул, – отвечал инспектор, – как и многие другие. Вы бы удивились, если бы знали, сколько крушений произошло в этой части побережья. Полгода назад именно здесь затонул «Отранто» – это и привело меня сюда».

«Помню, я читал об этом, – заговорил я, – надеюсь, никто не погиб?»

«Никто не погиб, но кое-что погибло. Не все знают, а ведь на борту «Отранто» был слиток золота».

«Да?» – заинтересовался я.

«Естественно, мы привлекли водолазов, но золото ушло, мистер Уэст».

«Ушло? – изумился я. – Как оно могло уйти?»

«В том-то и дело, – сказал инспектор. – Пробоина достигла особой кладовой. Водолазы без труда пробрались туда, но там ничего не было. Вопрос в том, украли золото до крушения или после? Было ли оно вообще на корабле?»

«Любопытный случай».

«Очень любопытный случай, если поразмыслить, что такое слиток. Ведь это не бриллиантовое ожерелье, которое можно сунуть в карман. Если представить, насколько он велик и тяжел, так все покажется абсолютно невозможным. Может, фокус-покус устроили до отправки судна, ну а если нет, то, должно быть, золото сумели изъять за эти полгода. Я еду туда для того, чтобы разобраться».

Ньюмэн встречал меня на вокзале. Он извинился, что приехал за мной на сельском грузовичке из имения, а не на автомобиле. Машину понадобилось подремонттировать, и ее отогнали в Труро.

Я сел рядом с ним, и мы аккуратно вырулили по узким улочкам из деревни. Поехали вверх по крутому склону, потом немного по очень извилистой дороге и наконец достигли ворот с гранитными столбами – Пол-Хаус.

Место было великолепное: крутой обрыв, дивный вид на море. Старому зданию было лет триста или четыреста, к нему было пристроено современное крыло. За ним шли сельскохозяйственные угодья в семь или восемь акров.

«Добро пожаловать в Пол-Хаус, – приветствовал меня Ньюмэн, приглашая в дом, – под знак золотого галеона». И он показал туда, где над дверью в передней висела прекрасная копия испанского галеона с полными парусами.

Мой первый вечер был наиболее замечательным и поучительным. Хозяин показывал мне старые рукописи с «Хуана Фернандеса», карты с отмеченным на них пунктиром местоположением корабля, схемы подводной аппаратуры, и это, можно сказать, уже окончательно и бесповоротно заинтриговало меня.

Я рассказал ему о встрече с инспектором Бадгвортом, чем он очень заинтересовался.

«Странные люди здесь, на побережье, – задумчиво произнес он. – Контрабанда и ожидание кораблекрушения у них в крови. Когда корабль идет на дно у их берега, они расценивают его не иначе, как свою законную добычу. Есть тут один, я вас с ним познакомлю. Интересный экземпляр».

Утро на следующий день стояло ясное. Ньюмэн отвез меня в Полперран и познакомил со своим водолазом. Его звали Хиггинс. Это был угрюмый человек с невыразительным лицом, его участие в разговоре в основном сводилось к междометиям.

После того как они переговорили между собой по сугубо техническим вопросам, мы отправились в «Три якоря». Большая кружка пива до некоторой степени развязала язык этой заслуживающей внимания личности.

«Детектив прибыл из Лондона, – пробурчал он. – Твердят, что на судне, которое затонуло тут в ноябре, была пропасть золота. Да, но ведь оно не первое тут потонуло и не последнее».

«Правильно! Правильно! – вмешался хозяин «Трех якорей». – Ваша правда, Билл Хиггинс».

«Вот так вот, мистер Келвин», – подтвердил Хиггинс.

Я с некоторым любопытством посмотрел на хозяина. Это был заметный человек – смуглый, черноволосый, на удивление широкоплечий. Глаза налиты кровью. И еще одна особенность: он все время избегал вашего взгляда. Я заподозрил, что именно о нем Ньюмэн говорил как об интересном экземпляре.

«Мы не желаем, чтобы чужаки совали нос к нам на побережье», – довольно агрессивно заявил он.

«Вы имеете в виду полицию?» – улыбнулся Ньюмэн.

«Имею в виду полицию и всех прочих, – многозначительно заявил Келвин, – понимаете, мистер?»

«Послушайте, Ньюмэн, а ведь это прозвучало угрозой», – сказал я, когда мы поднимались в гору, домой.

Он засмеялся:

«Глупости, я здесь никому ничего плохого не делал».

Я с сомнением покачал головой. В Келвине было что-то злобное, темное. Чувствовалось, что помыслы могут завести его бог знает куда.

Думаю, что именно с этого момента мною овладело беспокойство. Первую ночь я проспал вполне нормально, но на следующую ночь сон у меня был тревожный и прерывистый. Наступило воскресенье, мрачное, угрюмое. Небо покрылось тучами, слышались раскаты грома. Я никогда не умел скрывать своих переживаний, и Ньюмэн заметил, что у меня испортилось настроение.

«Что с вами, Уэст? Вы сегодня комок нервов».

«Не знаю, – признался я, – у меня дурное предчувствие».

«Погода такая».

«Да, наверно».

Больше я ничего не сказал. Днем мы выехали на моторной лодке Ньюмэна, но разошелся настолько сильный дождь, что мы рады были скорее вернуться домой и переодеться во все сухое.

А вечером мое беспокойство усилилось. За окном бушевал шторм. К десяти буря утихла. Ньюмэн выглянул в окно.

«Проясняется, – отметил он. – Не удивлюсь, если через полчаса будет прекрасная погода. Тогда пойду прогуляться».

«А меня ужасно клонит в сон. – Я зевнул. – Не выспался. Думаю лечь сегодня пораньше».

Так я и сделал. В предыдущую ночь я не выспался, а в эту ночь забылся тяжелым сном. Я все еще находился под гнетом острого предчувствия беды, меня одолевали кошмары. Страшные пучины, громадные пропасти, я блуждаю над ними и знаю: оступись я – и смерть. Я проснулся, когда стрелки часов показывали восемь. Голова невыносимо болела, ужас ночных кошмаров еще преследовал меня. Чувство это было настолько сильным, что, открыв окно, я отпрянул назад от нового страха: первое, что я увидел, был человек, копающий

могилу.

Понадобилось минуты две, чтобы я взял себя в руки, только тогда я разобрался, что могильщик – это садовник Ньюэна и что «могила» эта предназначена для трех кустов роз, которые лежали на земле в ожидании, когда их заботливо посадят в землю.

Садовник взглянул наверх, увидел меня и приподнял шляпу:

«Доброго утра, сэр. Замечательное утро, сэр».

«Кажется, да», – задумчиво отозвался я.

Однако, как и сказал садовник, утро действительно было замечательное. Солнце светило ярко, небо было голубое, безоблачное, и это предвещало чудесную погоду на целый день.

Насвистывая, я спустился к завтраку. У Ньюэна в доме не было прислуги. Две сестры среднего возраста, жившие на ферме неподалеку, ежедневно приходили удовлетворять его скромные запросы. Вот и сейчас, когда я входил в комнату, одна из них ставила на стол кофейник.

«С добрым утром, Элизабет, – поздоровался я. – Мистер Ньюэн еще не появлялся?»

«Он, должно быть, ушел рано утром, сэр, – ответила она. – Когда мы пришли, его не было».

Мое беспокойство возобновилось. Оба предыдущих утра Ньюэн спускался к завтраку довольно поздно, и я представить себе не мог, чтобы он рано поднялся. Движимый тревожными мыслями, я помчался к нему в спальню. Там никого не было, постель была не тронута. Беглый осмотр комнаты натолкнул меня еще на одну мысль: если Ньюэн ушел прогуляться, то он, должно быть, ушел в том же, в чем был вечером, – одежды в комнате не было.

Теперь я был уверен, что мое предчувствие беды оправдалось. Ньюэн, как и говорил, ушел на вечернюю прогулку. И по какой-то причине не вернулся.

Почему? Что с ним случилось? Не упал ли с обрыва? Надо немедленно отправляться на поиски.

Через несколько часов я собрал большую группу помощников, и мы вместе начали розыск по всем направлениям вдоль обрыва и на скалах внизу. Но никаких следов Ньюэна не обнаружили.

В конце концов, отчаявшись, я отыскал инспектора Бадгворта. Он помрачнел.

«Я думаю, это дело нечистое, – проговорил он. – Здесь есть несколько подозрительных субъектов. Вы видели Келвина, хозяина «Трех якорей»?»

Я ответил, что знаю такого.

«А вам известно, что он отбыл срок четыре года назад? Оскорбление действием».

«Меня это не удивляет».

«По-моему, все тут думают, что ваш приятель слишком любит соваться не в свои дела. Надеюсь, что до серьезного дело не дошло».

Розыск продолжился с удвоенным рвением. Только к концу дня наши усилия были вознаграждены. Мы обнаружили Ньюэна в глубокой канаве в дальней части его собственного имения. Он был крепко-накрепко связан по рукам и ногам, а в рот его был запихан носовой платок.

Он совсем обессилел, но, когда ему растерли запястья и лодыжки и дали сделать хороший глоток виски, смог рассказать, что с ним произошло.

Погода прояснилась, и около одиннадцати часов вечера он вышел прогуляться. Он прошел некоторое расстояние вдоль обрыва и вышел на место, из-за большого количества пещер известное как Убежище Контрабандистов. Там он заметил, как несколько человек что-то выгружают из маленькой лодки, и спустился взглянуть, в чем дело. По-видимому, это был тяжелый груз, его несли в одну из самых дальних пещер.

Ньюмэн заинтересовался. Оставаясь незамеченным, он подошел к ним поближе. Вдруг его кто-то увидел, и поднялась тревога. Тут же два огромных моряка схватили его и избили до потери сознания. Когда Ньюмэн пришел в себя, то обнаружил, что лежит в машине, которая движется, подпрыгивая на многочисленных ухабах и рытвинах, насколько он мог догадаться, по дороге от побережья в деревню. К его великому удивлению, автомобиль свернул в ворота его собственного дома. Здесь, пошептавшись друг с другом, его наконец вытащили и бросили в глубокую канаву, где его вряд ли могли скоро найти. Потом грузовик укатил. Ему показалось, что они выехали в другие ворота, на четверть мили ближе к деревне. Он не мог описать нападавших, понял только, что это были моряки и по речи – корнуоллцы.

Инспектор Бадгворт встрепнулся. «Будьте уверены, тут-то они и запрятали золото! – воскликнул он. – Достали со дна морского и держали где-то в укромной пещере. Все знают, что мы обыскали все пещеры в Убежище Контрабандистов и теперь переходим на другое место. Очевидно, ночью они переносили свое добро в ту пещеру, где мы уже были. Они были уверены, что мы не полезем туда еще раз. К сожалению, в их распоряжении было по крайней мере часов восемнадцать и они могли спокойно распорядиться имуществом. Раз в ту ночь их застал мистер Ньюмэн, то вряд ли мы теперь найдем здесь что-нибудь».

Инспектор поспешил на поиски. Он нашел неопровержимое свидетельство того, что слиток спрятали и, как предполагалось, снова забрали. Никаких данных о его новом местонахождении не было.

Впрочем, одно подозрение было, и инспектор сам навел меня на него следующим утром.

«По этой дороге мало ездят на автомобилях, – сказал он, – поэтому в нескольких местах мы обнаружили очень четкие следы шин. На одной из шин отстает треугольный кусочек и оставляет характерную отметину. Видно, как они заезжали в ворота, и замечен слабый след выезда из других ворот. Так что нет никаких сомнений – это та машина, которая нам нужна. Вот только зачем они выехали из дальних ворот? Мне кажется, это совершенно ясно: грузовик из деревни. Мало у кого в деревне есть собственные грузовики. У двоих, ну, может быть, у троих. У Келвина, хозяина «Трех якорей», есть».

«Келвин кто по профессии?» – спросил Ньюмэн.

«Странно, что вы меня об этом спрашиваете, мистер Ньюмэн. В молодости Келвин работал водолазом».

Мы с Ньюмэном переглянулись. Головоломка, казалось, сама собой мало-помалу разрешалась.

«Вы не опознали Келвина среди тех людей на пляже?» – спросил инспектор.

Ньюмэн покачал головой:

«Боюсь, не смогу ответить на этот вопрос. У меня и времени-то не было, я ведь и понять ничего не успел».

Инспектор любезно разрешил пойти с ним до «Трех якорей». Гараж находился на боковой улице. Главный вход был заперт, но, повернув в переулок, мы обнаружили маленькую дверь, которая не была закрыта. Поверхностного осмотра шин инспектору было достаточно.

«Вот, клянусь Юпитером! – возликовал он. – Вот она, собственной персоной на заднем левом колесе. Итак, мистер Келвин, теперь, я думаю, вы не выкрутитесь».

Реймонд Уэст смолк.

– Ну? – не терпелось Джойс. – Пока мне не понятно, что здесь загадочного – вот если не нашли золота...

– Естественно, не нашли, – нарушил Реймонд молчание. – И Келвина не обличили: думаю, он оказался им не по зубам. Но как он это все устроил – не представляю. Естественно, на основании улики – отметины на шине – его арестовали. Но произошла неожиданная осечка. Прямо напротив въезда в гараж находился коттедж, который на лето был снят одной дамой-художницей.

– Ох уж эти дамы-художницы! – рассмеялась Джойс.

– Да, действительно, «уж эти дамы-художницы»! Так вот, кстати, она уже несколько недель болела и поэтому к ней приходили две сиделки. Та, которая

была в ночную смену, пододвинула кресло к окну. Шторы были подняты, и она заявила, что не могла не увидеть, если бы автомобиль выехал из гаража. Она поклялась, что он не выезжал из гаража в ту ночь.

– Что из этого, – невозмутимо фыркнула Джойс. – Да сиделка заснула. Они всегда спят.

– Э, такое, как известно, случается, – рассудил мистер Петерик, – но мне кажется, что мы подходим к фактам, не поразмыслив над ними как следует. До того как принимать к сведению показания медицинской сестры, мы должны как следует убедиться в ее добросовестности. Что это за алиби, которое возникает с такой подозрительной быстротой? Оно кажется сомнительным.

– Имеются также показания художницы, – продолжал Реймонд. – Она свидетельствовала, что испытывала сильные боли и не спала почти всю ночь. Она бы обязательно услышала грузовик, так как он необычайно шумит, а ночью после бури было очень тихо.

– М-да, – хмыкнул священник. – Это, несомненно, дополнительное свидетельство. А у самого-то Келвина есть алиби?

– Он говорил, что находился дома и лег спать в десять вечера, но подтвердить это никто не мог.

– Сиделка спала, – снова вмешалась Джойс, – и больная вместе с ней тоже. Больные всегда думают, что ночами не смыкают глаз.

Реймонд Уэст вопросительно посмотрел на доктора Пендера.

– Знаете, я сочувствую этому Келвину, – сказал тот. – Мне кажется, это как раз тот случай, когда «дурная слава по дорожке бежит»: Келвин был в заключении. Кроме отметины на шине, которая, без сомнения, слишком примечательна, чтобы быть простым совпадением, за исключением его несчастливого прошлого, против него ничего нет.

– Ну а вы, сэр Генри?

Сэр Генри покачал головой.

– Как всегда, – засмеялся он, – мне кое-что известно по данному делу. Так что, очевидно, пока не следует высказываться.

– Так, идем дальше – тетя Джейн, неужели вам нечего сказать?

– Минутку, дорогой, – пробормотала мисс Марпл, – собьюсь со счета. Две с накидом, три лицевые, одну снимаем, две с накидом – так, все. Что ты говоришь, дорогой?

– Твое мнение?

– Тебе мое мнение не понравится, дорогой. Молодежь не любит этого, я заметила. Лучше ничего не говорить.

– Глупости, тетя Джейн, выкладывайте.

– Изволь, дорогой Реймонд. – Мисс Марпл отложила вязанье и взглянула на племянника. – Я считаю, что следует быть более разборчивым в выборе знакомых. Ты такой доверчивый, дорогой, так легко поддаешься обману. Полагаю, это из-за того, что ты писатель и излишне впечатлителен. Что за история с испанским галеоном! Будь ты постарше да знай жизнь получше, ты бы сразу насторожился. К тому же человека ты знал без году неделю.

Сэр Генри вдруг разразился неудержимым хохотом и шлепнул себя по колену.

– Вот так вот, Реймонд, – поддразнил он. – Мисс Марпл, вы замечательный человек. Ваш знакомый Ньюмэн, мой мальчик, на самом деле носит другое имя. В настоящий момент он не в Корнуолле, а в Девоншире, в Дартмуре, точнее, в Принстаунской тюрьме. Мы взяли его не по делу о краже слитка, а за ограбление кладовой одного лондонского банка. Затем занялись другими его делами и обнаружили большую часть украденного золота, оно было зарыто в саду Пол-Хауса. Неплохо было придумано. По всему побережью Корнуолла рассказывают истории про крушения галеонов, полных золота. Это объясняло появление водолаза, объяснило бы потом и золото. Но нужен был козел отпущения. Келвин идеально подходил на эту роль. Ньюмэн разыграл свою маленькую комедию

очень хорошо, и наш друг, Реймонд, как известный писатель, выступил в роли безупречного свидетеля.

– А отметина на шине? – возразила Джойс.

– Ох, я сразу поняла, дорогая, хотя ничего и не смыслю в моторах, – начала мисс Марпл. – Люди меняют колеса, вы знаете, я часто такое наблюдала, и, конечно, они могли снять колесо с грузовика Келвина, вытащить его через маленькую дверь в переулок и надеть на грузовик мистера Ньюмэна. Выехать на грузовике через одни ворота на пляж, погрузить на него золото и привезти через другие ворота. Потом они, должно быть, вернули колесо назад и снова поставили на грузовик мистера Келвина, а в это время кто-то связывал мистера Ньюмэна в канаве. Не слишком-то приятно это было для него, и, вероятно, его искали дольше, чем он ожидал. Я полагаю, что человек, который считался садовником, и занимался этим делом.

– Почему вы говорите «считался садовником», тетя Джейн? – спросил с любопытством Реймонд.

– Как же он мог быть на самом деле садовником! – возмутилась мисс Марпл. – Садовники не работают в Духов понедельник[12 - Духов понедельник – первый понедельник после Духова дня, отмечается Англиканской церковью, до 60-х годов был нерабочим днем.]. Это всем известно. – Она улыбнулась и свернула вязанье. – Именно эта мелочь и навела меня на верный след, – объяснила она и взглянула на Реймонда. – Когда будешь иметь свой дом, дорогой мой, и у тебя будет собственный сад, будешь знать и такие тонкости.

## Кровь на панели

– Вот любопытно, – сказала Джойс Ламприер, – не очень-то хочется рассказывать эту историю. Произошла она давно, точнее, пять лет назад. И до сих пор меня преследует. Улыбаюсь безмятежно, а в глубине души все еще таится ужас. И странное дело, в этюде, который я тогда написала, отразилось это состояние. Когда вы видите его в первый раз, перед вами просто набросок крутой корнуоллской улочки. Но если смотреть на него достаточно долго, то появляется в нем что-то зловещее. Никогда неставляю его на продажу и сама никогда не

смотрю на него. Я держу его в мастерской подальше от глаз.

Местечко называлось Рэтхоул. Это такая маленькая странная корнуоллская рыбацья деревушка, очень живописная, даже, может быть, слишком живописная. Уж очень сильна в ней атмосфера патриархального корнуоллского Чайного дома. Там сохранились мастерские, где коротко стриженные девушки в блузах пишут красками на пергаменте девизы. Мило, отдает стариной, но так неказисто.

– Знаю, знаю, – сказал Реймонд Уэст, тяжело вздыхая. – По-моему, сущее бедствие для автомобилей. Туда ведут плохие и узкие дороги, да и в самой-то этой живописной деревушке ездить опасно.

Джойс кивнула:

– Действительно, дорога в Рэтхоул узкая, крутая, прямо как стенка дома. Но продолжаю. Я приехала в Корнуолл на две недели порисовать. В Рэтхоуле есть старая гостиница «Полхарвит Армс». Считается, что это единственный дом, уцелевший после обстрела испанцами в тысяча пятьсот каком-то году.

– Не было обстрела, – сказал Реймонд Уэст, хмуря брови. – Будьте поаккуратнее с историческими событиями, Джойс.

– Неужели? Во всяком случае, они установили пушки где-то на побережье и стреляли, и дома рухнули. Впрочем, дело не в этом. Гостиница – замечательное старинное здание с портиком на четырех колоннах. Я выбрала подходящее место и уже принялась было за работу, как показалась машина. Медленно петляя по холму, она спускалась вниз. И конечно же, она обязательно должна была остановиться у гостиницы, где мне ее больше всего не доставало. Вышли двое – мужчина и женщина. Я их как следует не рассмотрела. На ней были льняное розовато-лиловое платье и такая же шляпа. Мужчина вскоре возвратился и, к моему великому удовольствию, отогнал машину на набережную. Он прошел мимо меня обратно к гостинице. В это время еще одна противная машина, петляя, спустилась с холма. В ней была женщина в ярчайшем ситцевом платье, я такого никогда не видела, все такими алыми цветами, а на голове огромная соломенная шляпа – кубинская, что ли? – и тоже яркая, алого цвета. Женщина не остановилась перед гостиницей, а проехала по улице немного дальше. Когда она вышла из машины, мужчина удивленно воскликнул:

«Кэрол, скажите на милость! Надо же встретиться в такой дали! Столько лет не виделись! Да, я здесь с Марджори. Это моя жена. Ты должна с ней познакомиться».

Они пошли бок о бок по направлению к гостинице. Я увидела, как другая женщина вышла из дверей и пошла им навстречу.

Я успела мельком взглянуть на женщину по имени Кэрол, когда она проходила мимо. Напудренный добела подбородок и ярко накрашенные губы, я подумала – просто подумала, – так ли уж Марджори будет рада этому знакомству. Я не видела Марджори вблизи, но издали она производила впечатление чопорной и не слишком модной женщины.

Разумеется, это не мое дело, но, знаете, иногда встречаешься со странными вещами, и потом невозможно удержаться, чтобы не порассуждать об этом. Они остановились недалеко от меня, и я невольно слышала кое-что из их разговора. Мужчина – оказалось, его зовут Деннис – предлагал взять лодку и прогуляться вдоль побережья. По его словам, в миле отсюда находилась известная пещера, которую стоило осмотреть. Кэрол тоже хотела осмотреть пещеру, но она предлагала отправиться туда пешком через скалы. Она сказала, что терпеть не может лодок. В конце концов они остановились на том, что Кэрол пойдет берегом по тропинке через скалы, а Деннис и Марджори возьмут лодку и прогуляются вкруговую.

Разговор о купании и у меня вызвал желание освежиться. Утро выдалось на редкость жаркое, работа у меня шла неважно. К тому же я решила, что полуденное солнце будет более эффектно. Так что я собралась и отправилась на небольшой пляж, который облюбовала в противоположном от пещеры направлении. Превосходно выкупалась, позавтракала консервированным языком и двумя помидорами и к полудню возвратилась, полная сил, чтобы продолжить работу.

Казалось, весь Рэтхоул спит. Я не ошиблась: полуденное солнце сделало предметы более выразительными. «Полхарвит Армс» была центром моего этюда. Косые солнечные лучи освещали площадку перед гостиницей, создавая весьма любопытный эффект. Я поняла, что купальщики благополучно возвратились, потому что два купальных костюма, один алого, а другой синего цвета, сушились на балконе.

У меня не удался эскиз, на мгновение я наклонилась кое-что подправить. Когда я снова подняла голову, то увидела как из-под земли по-явившегося человека. Он стоял, прислонясь к одной из колонн гостиницы. Он был одет по-морскому, и я решила – рыбак. У него была большая темная борода, и если бы мне потребовался натурщик для свирепого испанского шкипера, то лучшего не представить. Я принялась работать в лихорадочной спешке, пока он не двинулся с места, хотя, судя по его виду, он готов был подпирать колонну вплоть до скончания века.

Когда он все же отошел от колонны, я, к счастью, уже запечатлела то, что хотела. Он подошел ко мне и заговорил. О, что он мне наговорил! «Рэтхоул, – сказал он, – был весьма замечательным местом». Мне это уже было известно, но, скажи я ему об этом, меня бы это не спасло. Он поведал историю обстрела – я хочу сказать, разрушения – деревни, сообщил о том, что хозяин «Полхарвит Армс» был убит последним – заколот шпагой офицера-испанца на пороге собственного дома, – и о том, как кровь его брызнула на плиты панели и никто в течение столетий не смог смыть этих кровавых пятен.

Рассказ очень соответствовал тяжелой, навевающей дремоту атмосфере дня. Голос у него был вкрадчивый, и тем не менее в рассказе содержался какой-то пугающий подтекст. Манеры заискивающие, хотя в то же время угадывалось, что он был жесток. Он заставил меня отчетливо представить все ужасы инквизиции и жестокостей, совершенных испанцами.

Он рассказывал, а я продолжала писать, как вдруг поняла, что, увлеченная его рассказом, я изобразила то, чего не было. На белой плите тротуара перед входом в гостиницу в ярких лучах солнца у меня отчетливо выделялись пятна крови. Казалось невероятным, что голова могла сыграть такую шутку с руками, но когда я взглянула еще раз на площадку перед гостиницей, то поразились еще больше. Моя рука просто написала то, что увидели глаза, – капли крови на белой плите тротуара.

С минуту мой взгляд был прикован к этому месту. Потом я закрыла глаза и сказала себе: «Не будь же такой глупой, не может там быть никакой крови». Но когда я снова открыла глаза, пятна крови никуда не исчезли.

Мне стало не по себе, и я прервала поток красноречия рыбака.

«Послушайте, – сказала я, – у меня не очень хорошее зрение. Это что там на панели, пятна крови?»

Он посмотрел на меня снисходительно-добродушно.

«В наши дни, леди, уже нет никаких пятен. То, о чем я вам рассказал, было почти пятьсот лет назад».

«Конечно, конечно, – сказала я, – но сейчас на панели...» И замолчала. Я поняла, я осознала, что он не увидит того, что вижу я. Я поднялась и трясущимися руками стала собирать свои вещи.

Пока я занималась этим, в дверях гостиницы появился молодой мужчина, приехавший утром на машине. Он растерянно смотрел по сторонам. На балкон вышла его жена и сняла купальные костюмы. Он направился было к машине, но вдруг повернул назад и, перейдя улицу, обратился к рыбаку:

«Скажи, дружище, ты не видел, вернулась ли леди, что приехала на второй машине?»

«Дама в платье с цветами? Нет, сэр, не видел. А вот утром она пошла через скалы к пещере».

«Знаю, знаю. Мы вместе там купались. А потом она пошла пешком назад, и с тех пор я ее не видел. Не может же она так долго возвращаться. Скалы здесь не опасны?»

«Это, сэр, зависит от того, где идти. Лучше всего взять человека, знающего эти места». Он явно имел в виду себя и принялся было развивать эту тему, но молодой человек бесцеремонно оборвал его и помчался к гостинице.

«Марджори! – крикнул он жене на балконе. – Кэрл еще не вернулась. Странно, правда?»

Я не слышала ответа Марджори, а ее муж продолжал:

«Но мы не можем больше ждать. Нам надо поскорее попасть в Пенритар. Ты готова? Я сейчас подгоню машину».

Он подогнал машину, и они уехали. А мне не давала покоя мысль, действительно ли я видела кровь или это была игра моего воображения. И как только они уехали, я подошла к гостинице и тщательно осмотрела тротуар. Конечно, никаких пятен крови не было. Никаких, все это было плодом моей возбужденной фантазии. Хотя почему-то мне все это показалось еще более странным. И тут я услышала голос рыбака.

«Леди, вы действительно видели здесь кровь?» – спросил он, с любопытством глядя на меня. Я кивнула.

«Очень странно, очень странно. У нас здесь существует поверье, леди: если кто-нибудь увидит здесь кровь...» – Он остановился.

«И что тогда?» – спросила я.

«Говорят, – продолжал он своим вкрадчивым голосом с корнуоллскими интонациями, но свободно и хорошо владея речью без местного акцента и корнуоллских оборотов, – говорят, что если кто-нибудь увидит здесь кровь, то в течение суток произойдет убийство. Кто-то умрет».

Какой ужас! Я почувствовала, как по спине у меня побежали мурашки.

Он продолжал объяснение:

«В церкви, леди, есть интересная доска о смерти...»

«Спасибо. Довольно», – решительно сказала я, резко повернулась и пошла по улице к коттеджу, где снимала комнату. Не успела я дойти, как увидела, что вдали по тропинке через скалы идет женщина – Кэрол. Она торопилась. На фоне серых камней она казалась каким-то ядовито-красным цветком. Ее шляпа была цвета крови...

Я одернула себя: что это такое, всюду мне мерещится кровь.

Затем я услышала шум ее машины. Интересно, подумала я, она тоже направляется в Пенритар? Но она поехала налево, в противоположном направлении. Я видела, как машина взбиралась по холму и исчезла. Почему-то я с облегчением вздохнула. И Рэтхоул, казалось, снова погрузился в крепкий сон.

– Если это все, – сказал Реймонд Уэст, когда Джойс остановилась, – то я сразу скажу свое мнение: это объясняется несварением желудка, пятна перед глазами – после приема пищи.

– Нет, не все, – сказала Джойс. – Послушайте продолжение. Через два дня я прочитала в газете заметку под заголовком «Трагедия на берегу моря». В ней говорилось, что миссис Дейкр, жена капитана Денниса Дейкра, утонула во время купания неподалеку от бухты Лэндер. Они с мужем проживали там в гостинице. Они собрались идти купаться. Но тут поднялся холодный ветер. Капитан Дейкр заявил, что для купания слишком свежо, и отправился с несколькими постояльцами играть в гольф неподалеку. Однако миссис Дейкр сказала, что ей не холодно, и пошла в бухточку одна. Так как она долго не возвращалась, муж забеспокоился и отправился с приятелями на пляж. Они нашли ее одежду у камня, но не обнаружили никаких следов несчастной леди.

Спустя почти неделю было обнаружено ее тело – его выбросило на берег на некотором расстоянии от места происшествия. На голове была глубокая рана, полученная ею до наступления смерти: по официальной версии, она нырнула и стукнулась головой о камень. Насколько я могу судить, смерть ее наступила как раз через сутки после того, как я увидела кровь на панели.

– Я протестую, – сказал сэр Генри. – Это не загадочный случай, а сплошная мистика. Мисс Ламприер, очевидно, медиум.

Мистер Петерик, как всегда, сначала кашлянул.

– Одна вещь меня как-то настораживает, – сказал он, – это рана на голове. Я полагаю, не следует исключать возможности неблагоприятного поступка. Но я вижу, у нас нет данных, на которые можно было бы опереться. Галлюцинация, или видение, мисс Ламприер, несомненно, явление интересное, но мне не совсем ясно, на чем, по ее мнению, мы будем строить рассуждения.

– Несварение желудка и совпадения, – сказал Реймонд. – Так или иначе, а ведь даже неизвестно, с теми ли людьми это связано. К тому же это проклятие, или как его там, наверное, относится только к местным жителям.

– У меня ощущение, что морской волк имеет отношение к этой истории, – сказал сэр Генри. – Но я согласен с мистером Петериком, что мисс Ламприер дала нам очень мало деталей.

Джойс повернулась к доктору Пендеру, который, кивнув ей, с улыбкой сказал:

– Рассказ очень интересный, но я присоединяюсь к сэру Генри и мистеру Петерику, – данных, чтобы сделать какие-то выводы, слишком мало.

Тогда Джойс с надеждой посмотрела на мисс Марпл, и та в ответ улыбнулась ей.

– Я тоже, дорогая Джойс, считаю, что вы не совсем правы, – сказала она. – Конечно, я – это другое дело. Я имею в виду то, что мы, женщины, больше внимания обращаем на одежду. И поэтому я считаю, что не совсем честно предлагать решение этой проблемы мужчинам. А все дело, я думаю, в быстром переодевании. Ах какая мерзкая женщина! И еще более мерзок мужчина.

Джойс с удивлением посмотрела на мисс Марпл.

– Тетушка Джейн, простите, мисс Марпл, – поправилась она, – мне кажется, я даже уверена, что вы все знаете.

– Конечно, милая, – сказала мисс Марпл. – Мне, сидя здесь, в спокойной обстановке, гораздо легче, чем было тогда тебе, разобраться во всем. А будучи художником, ты еще и очень впечатлительна, ведь верно? Сидя в этой комнате с вязаньем в руках, имеешь дело только с фактами. Кровь на тротуар попала с купального костюма, висевшего на балконе. А поскольку он был красного цвета, то преступники и не заметили, что он был в крови. Бедняжка, ведь она была так молода!

– Простите, мисс Марпл, – прервал ее сэр Генри. – Знаете ли, я в недоумении. Мисс Ламприер, по всей видимости, понятен предмет разговора, но мы, мужчины, пока что в абсолютном неведении.

– Теперь я расскажу вам конец истории, – сказала Джойс. – Это было год спустя. Я была в небольшом курортном городке на восточном побережье и писала этюды. И вдруг чувствую, что такое уже происходило на моих глазах раньше. Мужчина и женщина на тротуаре передо мной встречают женщину в ситцевом ярко-красном, или даже пунцовом, платье: «Кэрол, скажите на милость! Надо же встретиться через столько лет! Ты не знакома с моей женой? Джоан, это моя старинная приятельница мисс Хардинг».

Мужчину я сразу же узнала. Это был тот самый Деннис, которого я видела в Рэтхоуле. Жена была другая, то есть вместо Марджори – Джоан, но женщина такого же типа: молодая, тоже скромно одетая, ничем не примечательная. Мне показалось, что я схожу с ума. Они заговорили о купании. Я скажу вам, что я сделала. Я отправилась прямехонько в полицейский участок. Я опасалась, что меня примут за сумасшедшую, но мне было не до того. К счастью, все обошлось благополучно. Там уже был человек из Скотленд-Ярда, он приехал как раз по этому делу. Ох, до чего же неприятно рассказывать об этом – оказывается, Деннис Дейкр уже был на подозрении у полиции. Деннис Дейкр было одним из его вымышленных имен – он пользовался разными именами в зависимости от обстоятельств. Знакомился с тихими, скромными девушками, у которых почти не было родственников или друзей, женился на них, страховал их жизнь на большие суммы, а потом – ах, какой ужас! Женщина по имени Кэрол была его настоящей женой. Они всегда действовали по одному и тому же плану. Благодаря этому полиция и вышла на него – страховые компании заподозрили неладное. Он обычно приезжал в какое-нибудь тихое местечко со своей новой женой, потом появлялась вторая женщина, и они вместе отправлялись купаться. Потом жену убивали, Кэрол надевала ее платье и возвращалась в нем в лодке. Потом они уезжали куда-нибудь из этого места, не забыв поспрашивать, не возвращалась ли Кэрол. Как только они выезжали из деревни, Кэрол снова быстро переодевалась в свое приметное, огненно-красное цветастое платье, наносила свой яркий грим, возвращалась пешком обратно и уезжала на автомобиле. Они знали направление течения и соответственно выбирали место мнимой гибели намеченной жертвы. Потом Кэрол отправлялась на пустынный пляж, оставляла одежду убитой у какого-нибудь камня, уходила в своем цветастом ситцевом платье и спокойно дожидалась, пока муж присоединится к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

## Примечания

1

Дань исторической приверженности англичан к числу «шесть» – полдюжины. До 1971 года существовала даже монета шестипенсовик, звенья бойскаутов состоят из шести человек и т. д., и т. п. Отсюда и шесть – минимальное число членов клуба. (Здесь и далее прим. перев.)

2

«Сотни и тысячи» – так называется в Англии разноцветный сахарный горошек для украшения тортов и пирожных.

3

Дартмур – холмисто-болотистая местность на юго-западе Англии, в графстве Девоншир.

4

Мур – река, впадает в залив Лайм.

5

Друиды – жрецы у древних кельтов в Британии.

6

Астартa – греческое наименование главной финикийской богини Ашторет (Ашерат). Почиталась как богиня плодородия, материнства и любви, а также как богиня прибывающей луны. Изображалась в виде обнаженной женщины с коровьими рогами на голове, с руками, прижатыми к груди или к бедрам, а иногда в одеянии, с короной на голове и с тамбурином.

7

Дик – уменьшительное от Ричарда.

8

Часовой гольф – малый гольф на площадке с разметкой, напоминающей часовой циферблат с двенадцатью цифрами; игроки переходят с цифры на цифру и поочередно загоняют мяч в лунку в центре площадки.

9

Имеется в виду неделя между Духовым днем, который Англиканская церковь отмечает в седьмое воскресенье после Пасхи, и Троицей, которая соответственно отмечается в восьмое воскресенье после Пасхи.

10

Непобедимая армада – военный флот, направленный в 1588 году испанским королем Филиппом II против Англии и потерпевший поражение.

11

Галеон – большой старинный, богато украшенный резными фигурами парусник.

12

Духов понедельник – первый понедельник после Духова дня, отмечается Англиканской церковью, до 60-х годов был нерабочим днем.

----

Купить: <https://tellnovel.com/ru/agata-kristi/trinadcat-zagadochnyh-sluchaev-sbornik>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)